

Главному человеку на Земле —
моей жене — посвящается

Содержание

Часть первая. Весна

Путь самурая	13
Осколок девяностых	17
Миллениал	24
Правнучка Коллонтай	32
Лоукост-тур	44
Игрок с разумом	49
Падший	61

Часть вторая. Лето

Бриллиантовый мальчик	81
Сны о чем-то большем	95
На крючке	108
A hard day's night	118
Новая жизнь	139

Часть третья. Осень

Возвращение	157
Час потери	168
Ужас без конца	177
Дом, милый дом	188

Часть четвертая. Зима

Гомункул	203
Комплекс Наполеона	224
За стеклом	245
Практический идеализм	256
Рецидив	289

Часть пятая. Безвременье

Заклейменная	303
Сила любви	321
Хорошо забытое старое	331
Освобожденный	349
«Со святыми упокой...»	362
Эпилог	377

Ч А С Т Ь П Е Р В А Я

Весна

Мерзкий писк телефонного будильника заставил променять эфемерную серость — невнятное сновидение ни о чем — на реальность, отнюдь не блистательную. За окном только намечался рассвет. Но уже было понятно, что ярких красок новый день не принесет. Только полутона. От грязно-черного до грязно-белого. Москва на стыке сезонов. Что тут скажешь? Да и, собственно, зачем? Надо вставать, ввязываться в клубок будничных ритуалов, наводить лоск, маскировать недостатки, поднимать тонус. Ну, вы понимаете.

Как всегда, раздражало, что, несмотря на довольно ранний подъем, уже приходилось торопиться — сказывались просчеты, допущенные при установке будильника, вызванные позорной жалостью к себе любимому. Как следствие, график начал пикировать, еще толком не оперившись, и в ближнесрочной перспективе грозил серьезно отравить жизнь, направив ее в капкан. То есть пробку, ежедневно случающуюся на выезде из гетто имен-

но в этот временной интервал. Конечно, иногда случались чудесатые дни, когда жители низкобюджетного района отказывались от личных авто в пользу общественного транспорта. Скорее из любви к алкоголю, нежели из желания вступить в коллаборацию со столичными властями, давно уже агитирующими за снижение автомобильного потока. Но вторники никогда к ним не относились. Даже наоборот — стабильно демонстрировали неумную тягу населения к трудовым подвигам. А значит, и к неизбежной в этом случае пробке.

А она, если верить навигатору, проверка которого стала таким же обыденным утренним действием, как и туалетные процедуры, уже начала набирать обороты. Мерзость. Значит, придется толкаться с такими же несчастными в пропитанной ненавистью атмосфере мегаполиса как минимум полтора часа вместо тридцати минут. Гетто ошибок не прощает. Значит, весь график съедет, а вместе с ним и ощущение комфорта, цельности и общее восприятие себя как человека.

Именно таким образом рассуждала половина сознания Кузнецова Аркадия Аркадьевича, отвечавшая за человеческое восприятие действительности. Другая сохраняла стойкость и невозмутимость. Ментальный дуализм был свойственен ему с детства. Как, впрочем, и миллионам его соотечественников, выросших в позднем «совке», в котором официальное сознание настолько не совпадало с общественным, что раздвоение стало характерным даже для псов режима — воротил коммунистической партии, — потерявших в результате данного свойства окончательные остатки верности идеалам великой мумии и предтеч ея. Гибель системы, к сожалению, не принесла облегчения истерзанным душам *homo soveticus*. Шизофрения духа, с легкостью принимавшего и утренние линейки под пионерский гимн, и вечерние танцульки под диско (а местами и *heavy metal*) загнивающего Запада, впечаталась в подсознание, в ДНК, в ментальный код, затаилась в каждой клетке бывших граждан страны-эксперимента.

И Кузнецов не был исключением. В нем уживалось многое. Подчас несовместимое. Неприязнь к своей работе

и нежелание даже задуматься о том, чтобы ее поменять. Повышенное чувство долга и тяга к неконтролируемому пьянству. Глубокая любовь к детям и жене с отвращением к совместному времяпрепровождению. Почтение к родителям и застарелый, тлеющий конфликт с ними. Вера в авторитеты и легкое отношение к возможности преступить черту закона. Патриотизм и издевка по отношению к властям. Ну и так далее. Все это было настолько органично переплетено в Аркадии, что со стороны выглядело цельно и обыденно. Таких, как он, СССР наплодил миллионы, а Российская Федерация — плоть от плоти предыдущего режима — отшлифовала до нужной формы суровым напильником девяностых и бархатной тряпочкой нулевых.

Итак. Сборы закончились. Поцелуй спящей жене, ласковая трепка за холку собаке, телефон, кошелек, ключи. Здравствуй, Москва!

Путь самурая

Кто мы? Продукт семьи? Эпохи? Места? Видимо, всё сразу и в индивидуальных пропорциях. И место в этом коктейле играет отнюдь не последнюю скрипку. Особенно если это город, на который с определенной периодичностью ополчается весь остальной мир. Город противоречивый, как и его жители. Город европейский и азиатский одновременно. Посконный и технологичный. Роскошный и униженно бедный. Всякий. Но затягивающий всех, кто в него попадает.

Аркадий попал по праву рождения. Конечно, появился он

на свет не в том гетто, где обретался сейчас вместе с семьей, — тогда на его месте колосились сельскохозяйственные культуры. Мир принял его на патриархальной улочке между Арбатом и Пречистенкой, взявшей истоки еще в Средневековье, вяло меняющейся, местами еще сохраняющей флер середины девятнадцатого века. В восьмидесятые же века двадцатого — тихой, как лесной пруд. Толпы безумных граждан, попирающих Арбат, до нее не доходили. А местные чиновники еще стеснялись полностью превратить свое служение в бизнес, так как до эпохи первоначального накопления капитала оставалось еще несколько лет. Поэтому места эти заселяла в основном интеллигенция, творческая и техническая, а также номенклатурные работники. Осколки былого. Некоторые — с бэкграундом из царской России. Смесь почтенная и интересная, до последнего сохранявшая культурный код, характерный для этих мест на протяжении двух последних веков. Именно здесь можно было услышать слово «булошная» с неповторимым московским акцентом. Или лицезреть бабушек, от которых за километр веяло Большим и Третьяковкой. Некоторые из них когда-то хоронили Ленина. И это не фигура речи. В общем, Аркадию повезло.

Равно как и со школой. Построенная в ранние советские годы в поленовском дворике, она очень долго держала марку и была одной из первых в деле обучения французскому языку. Это свойство привлекало к ней внимание не только местных жителей, но и советской элиты. Поэтому учебное заведение жаловали дети — отпрыски всех прослоек сильных мира того. Школа была Школой! И одной из отличительных черт района.

Конечно, сейчас его уже не узнать. И дело не в ландшафте, подновленном и потерявшем свою аутентичность. Нет людей, делавших его самим собой. Чеховско-окуджавовские бабульки машут крестами на Ваганьковском, а их место заняли богатые и успешные со всех уголков распавшегося Союза. Не плохие и не хорошие. Другие.

Аркадий в лихие 90-е был вынужден покинуть родную комнату в коммуналке в дореволюционном доходном

доме. Времена были смутные, и родители вместе с соседями были не против продать противоречивую недвижимость некоему банкиру, поднявшемуся в ходе залоговых аукционов, а позднее вследствие ряда прискорбных обстоятельств откочевавшему в район старой Яффы. Насовсем.

Продажа малой родины принесла семье Кузнецовых просторную, а главное, отдельную трешку в районе Чертаново — хрестоматийном райончике тех странных лет. Только с отрицательным знаком. Плавильный котел конца советской эпохи. На тот момент еще помнящий, что такое лимита, вражду дворов, хождение стенка на стенку, возможность лишиться жизни за «неправильный» музыкальный вкус или одежду. И так далее. Мальчику из центра там было непросто.

Но поскольку нравы менялись так же стремительно, как менялась страна, то и период дискомфорта продлился недолго. Через какие-то считанные годы пребывания в Чертанове можно уже было не опасаться ходить по улицам за полночь с длинными волосами, носить косуху и серьгу в ухе. Местным гопникам на идеологические различия стало наплевать. Хотя, конечно, излишки денег из карманов они отжимали исправно. Должен же быть хоть какой-то порядок!

Как бы там ни было, но новая точка пребывания не смогла вытравить из Аркадия семена любви к городу, а особенно к центру, проросшие в нежном детском возрасте. Во многом этому помогла учеба на психфаке МГУ, расположенном недалеко от Манежа. Месте, безусловно, примечательном хотя бы тем, что большая часть студентов и преподавателей были фриками с той или иной степенью патологии.

Большую часть времени он проводил на факультете, в необременительных студенческих делах. Или где-то рядом с ним. То есть в пределах Садового кольца. И на его глазах город менялся. Исчезали замызганные улицы и дворы, появлялись фешенебельные магазины и рестораны. Хотя он и не мог их себе позволить, но их присутствие плотно входило в сознание Аркадия, заполнявшееся новыми топонимами.

Менялись люди. Вначале внешне: скидывая с себя всеместные тренировочные костюмы и турецкие дубленки и переоблачаясь во все более доступные европейские и американские бренды. Потом внутренне: из разговоров пропали рассуждения о политике, философии, литературе, которые заменили бесконечные лайфхаки монетарно-гастрономического толка. Но это не казалось пошлым или мещанским. Замена выглядела как логичная трансформация Москвы и ее жителей в европейскую столицу. Что, можно констатировать, в итоге и произошло.

Аркадий менялся вместе с городом, впитывая все изменения как губка. И более всего понимание, что для того, чтобы стать полноправной частью столицы, нужно обладать деньгами. Потому что Москва не бывает бесплатной. Ни для кого и никогда.

По очень счастливым обстоятельствам он рано начал работать, что с его профессией было довольно проблематично. Но тем не менее повезло. Аркадий набирался опыта, а вместе с ним росли и гонорары. Поэтому к моменту, когда в общественном сознании визит к психологу перестал восприниматься как что-то запредельное, став вполне себе будничной процедурой, доктор Кузнецов уже пользовался популярностью. Страждущие ходили на него как на известных дантистов или пластических хирургов. А сарафанное радио вкупе с природной харизмой только способствовало росту клиентской базы.

Как следствие, на стыке его личных тридцатых-сороковых Кузнецова Аркадия Аркадьевича можно было справедливо назвать типичным представителем среднего класса, слепленного по американско-европейским лекалам. Он был женат, имел двоих детей на отдаленном пороге пубертата, а также собаку (какое-то маленькое недоразумение), соб-

ственную частную практику, просторную квартиру в гетто, заменить которую на более приближенную к центру все никак не доходили руки, авто бизнес-класса и несколько соток земли под Можайском с возведенным на них относительно небольшим домиком. Не человек, а постер. На таких в телевизионной рекламе тестируют инновационные зубные пасты.

И вот такой красавчик продирался через утреннюю пробку из спальных районов в центр города, где снимал кабинет в переулочке поблизости от Чистых прудов, чем-то напоминающий Аркадию незамутненные капитализмом окрестности Арбата.

Осколок Девяностых

Два часа жизни за рулем пролетели обыденно: где надо — отстоял, где было можно — несся сломя голову, краем глаза приглядывая за камерами. Без десяти девять загнал тачку под шлагбаум импровизированной парковки во дворе чудом оставшегося жилым дома, на первом этаже которого располагался офис. Открыл дверь рядом с тускло поблескивающей латунной табличкой со своей фамилией. Прикрыл шторы таким образом, чтобы они пропускали свет, но скрывали при этом все происходящее в комнате от нескромных глаз. Сделал эспрессо в кофемашине. Налил стакан воды. Сел в кресло. Рабочий день начался.

Первый утренний клиент, точнее клиентка, себя ждать не заставил. Светлана Никифоровна (для ближнего круга —

Светусик), несмотря на длительное пребывание в столице, никак не могла отвыкнуть от привычки вставать с петухами, приобретенной в родной кубанской станице. Причем в зимнее время года они пели специально для нее прямо посреди ночи. Данное обстоятельство делало Свету в глазах Аркадия очень удобным клиентом. Так как большая часть пациентов предпочитали вставать ближе к полудню, а утреннюю дыру в расписании надо было как-то закрывать. С учетом того, что тараканов в голове Светусика было столько же, если не больше, что и денег в ее кошельке, то сотрудничество предполагало быть долгим и очень плодотворным. А главное, клиентка была только «за»!

Потому что жизнь Светлану Никифоровну повозюкала лицом о неструганый стол. В нежном юном возрасте на заре 90-х она перебралась с малой родины в Первопрестольную. А дальше по классической схеме: поступала и не поступила, танцы на шесте в «Славе», первый муж определенных криминальных занятий, накопление семейного капитала, на стыке веков похороны на Хованском, второй муж из той же социальной группы, что и первый, но более-менее остепенившийся, трое детей, его уход «к этой шлюхе», развод и одиночество в золотой клетке. В общем, «как у всех».

Визиты к Аркадию стали для нее во всех смыслах спасением. Во-первых, ходить недалеко, так как проживала она на Покровке, а во-вторых, после развода эти лицемерные

твари — ее подружки — предпочли общаться с новой пассией бывшего, так как все они были женами его друзей и партнеров. Делали они это, конечно, вынужденно. Но делали же, «мать их». В общем, за исключением двух-трех человек, которых Света успела изрядно утомить, и душу-то ей излить было некому. А Кузнецов для рыданий на кушетке подходил как никто: красавец, глаза сочувствующие, слушает, на часы не смотрит, советов практически не дает. Да и, в конце концов, это его работа!

(Небольшой дисклеймер: выражалась Светусик чаще всего по матушке. Поэтому по цензурным соображениям ее речь приводится в облагороженном виде.)

— Здравствуйте, Светлана Никифоровна!

— Здравствуйте, Аркадий.

— Присаживайтесь. Вам как обычно?

— Да. Чаю. Черного, два сахара.

Пока Кузнецов заваривал чай в стеклянной новомодной колбе, стилизованной под китайский сосуд, Света повесила горностаевый полушубок на вешалку, пристроила на специальной подставке Birkin и с ногами залезла в просторное кресло XIX века, выполнявшее роль кушетки. Внешний лоск разведенки, однако, не скрывал притаившихся в ее глазах тоски и сумятицы, готовых перерасти в плаксивую истерику.

Оценив обстановку профессиональным взглядом, Аркадий смастерил на лице самую доброжелательную улыбку, на которую только был способен после почти двух часов дорожного ада.

— Ну как нам сегодня? Чувствуются ли улучшения?

— Да все так же. — Светусик сделала над собой усилие, чтобы не пустить слезу сразу. — По-прежнему тоска и чувство ненависти. А еще мне сегодня снился первый муж. Виталик. Наш последний день. Как мы с ним пошли в ресторан. Тогда только-только стали открываться заведения с морепродуктами. Мы пришли. Сели. Только сделали заказ, и тут появился черный с «калашом», глаза стали стеклянными, начал стрелять. Виталик сидел спиной к нему, не увидел сразу. Потом двенадцать пуль в нем

насчитали. Я каким-то чудом успела упасть под стол. Ни царапинки. Потом «скорая» приехала, милиция. Он несколько часов, пока мы там находились, лежал лицом на полу, и только лужа крови под ним становилась все больше. Лицо у него на боку лежало. Глаза были видны. Помню, их закрывать не разрешали. И в них было такое удивление! Вот... Один в один приснилось. Рассказываю, и мурашки по коже.

Она замолчала. Аркадий решил выждать.

— И ведь двадцать лет прошло! А как вчера. И все никак не могу себе простить, что я его в этот ресторан потянула. А он дома хотел побыть. Устал очень. Приехал поздно. Хотел просто на диване поваляться и пива попить. А мне устриц захотелось. Ну и, видимо, пасли нас. Вот зачем мне это было нужно? Все устрицы эти, будь они прокляты!

— Светлана Никифоровна, вашей вины в этой ситуации нет. Не берите на себя ответственность. Поесть новую экзотическую еду — абсолютно нормальное желание для двадцатилетней девушки. К тому же если ресторан открылся недавно и все вокруг только о нем и говорят. А то, что произошло с вашим мужем, безусловно, кошмарное событие и страшная трагедия. Но, во-первых, было такое время. Дела велись сами знаете как. А во-вторых, насколько я помню из того, что вы рассказывали, Виталий вас в свои дела не посвящал и вы просто не знали, что он задолжал чеченцам. А в этой ситуации рано или поздно за ним бы все равно пришли.

— Да. У них там главный был — Мага. Классический такой персонаж — отмороженный. Шутить не любил. Он, кстати, ненадолго Виталика пережил. Приблизительно так же ушел. С пулевыми по всей голове. Но вы знаете, мне от всего этого абсолютно не легче! Я так его любила! Никого и никогда больше не любила так, как его! Второй муж ему в подметки не годится! Что уж греха таить, я с ним больше от безысходности сошлась. Да и ухаживал он красиво. А Виталик был частью моей души. Огромной! Как

ледокол «Ленин». Он и сейчас ею остается. Хотя столько лет прошло!

И фонтан заработал. По опыту зная, что это продлится как минимум минут десять, Аркадий скроил сочувственную мину и, делая вид, что всеми внутренними силами соперевживает клиентке, погрузился в себя. «После этой еще две, потом окошко на пару часов, надо сходить поест и заодно посмотреть детям учебники. Интересно, успею до «Библио-глобуса» добежать? Потом подвязавший чувак, за ним... А кто за ним? Надо посмотреть. Блин, надо еще мамане набрать, а то устроит мне холокост. Пылесос сломался, надо поискать. Да и свалить бы пораньше сегодня, а то потом застряну во всех пробках мира. Как же я устал!» После чего мысли его пошли по пути поиска ответа на вопрос, является ли его текущее финансово-социальное положение тождественным затрачиваемым на него усилиям. И вообще, для чего он живет? Не дав себе развить эту мысль, чтобы не начать рыдать вместе со Светусиком, Аркадий вернулся к размышлениям на хозяйственные темы. Лицо его при этом сохраняло приличествующее ситуации выражение — самого доброго доктора в мире.

Наконец ностальгическая печаль, поглотившая Светлану вместе с жалостью к себе, ослабила хватку и клиентка начала успокаиваться. Кузнецов поймал момент, когда полное внутреннее опустошение должно было начать перерастать в нетерпение, и сделал ход:

— Ну что же. То, что вы плачете, Светлана, это хорошо!

— Да чего уж хорошего. Сама на себя не похожа.

— Хочу напомнить, что в первые наши сеансы у меня складывалось ощущение, что если вам сейчас дать в руки автомат, то вы сразу же найдете ему применение. И минимум убьете своего второго мужа. Реакция, которая есть сейчас, кажется мне более адекватной. Но! Проблема, конечно, до конца не переработана. Я думаю, что гипноз все еще требуется. Попробуем?